

Я надеюсь, что поступаю правильно.

Уолтер решил, что прежде всего они посетят оружейный магазин, потому что голос Элин пропал после его последнего заявления. На протяжении всего обратного пути ее глаза оставались опущенными, и она с вялой кротостью следовала за ним.

Он случайно схватил ее за запястье, неверно оценив ее отступление. Уступать сейчас было немыслимо. Встретившись с ее подавленным взглядом, он признал, что его мотивации не хватает чистого альтруизма.

Даже если наше состояние требует действия, это - потеря энергии.

Гири рассыпались по ее чаше [Весов любви и похоти], и она не выдержала заградительного огня. Разрушение равновесия привело в действие заклинание [афродизиак].

Сдержанность Элин была неожиданной. Она пошатнулась и сделала напряженный выдох. Сквозь ее запястье Уолтер чувствовал, как дрожит ее сжатый кулак. Откашлявшись, она гордо выпрямилась, и единственным признаком ее смтения был легкий румянец на щеках. Несколько секунд она смотрела сквозь мокрые волосы, а потом опустила голову.

Она столкнулась с этим лицом к лицу, потому что хочет, чтобы я продолжал идти.

В Гильдии авантюристов Элин сумела сказать: "Да, конечно", когда Уолтер попросил ее отменить маршрут. По возвращении она молча предложила вернуть залог. Уолтер посмотрел на нее, потянул за мешочек у нее на бедре и бросил туда монеты. Несомненно, поглощенная предвкушением, она забыла о своей ответственности за сохранность их средств. Простая ошибка, но с этого момента она не могла поддерживать зрительный контакт.

Элин следовала за Уолтером, и он чувствовал ее близость. Когда дорога от безумия Пилигрима свернула к торговцу оружием, она просунула руку в его рукавицу, сжала ее и поставила ноги так, что им пришлось остановиться.

- погоди, я не могу сосредоточиться, - проглотив слюну, продолжила она. - я в порядке. Добровольное согласие Элин едва ли могло поспорить с громкостью дождя. -Пока ты ведешь, я пойду с тобой."

Она просит меня не нервничать, потому что она потеряет самообладание.

Оказавшись внутри их жилища, Уолтер запер дверь, и еще несколько гирь ударили по чаше Элин. Его возбуждение было очевидным. Она не вздрогнула и ничего не сказала, Это была сила воли рыцаря, готовящегося к войне. Пока они смотрели друг на друга, вода капала на пол.

Уолтер снял свои бронированные рукавицы.

Элин проследила за его руками, неподвижными, как статуя, когда они потянулись к шнурку, стягивающему вырез ее туники. Каждый рывок обнажал все больше ложбинки. Только храбрость поддерживала ее неподвижность, позволяя раздеться, но с более открытой кожей ее дыхание участилось. Ее груди естественно поднимались и опускались вместе с ее дыханием, и еще несколько гирь упали безудержно. Вена на ее шее быстро пульсировала.

Чувство справедливости напомнило Уолтеру расстегнуть комбинезон, и он повесил его на спинку стула. Обернувшись, он увидел, что она стоит совсем близко, и ее ладони покоятся на его груди.

Это первый раз, когда она прикасалась к кому-то еще подобным образом.

Она усадила его и опустилась на колени, чтобы снять с него сапоги. Затем она наклонилась вперед между его коленями, и ее руки нащупали ремень, удерживающий его брюки. Хотя ее лицо приняло строгое выражение, Чем больше она не могла расстегнуть его брюки, тем сильнее стискивала зубы и тем хуже обращалась с ремнем.

Уолтер положил руки ей на плечи. Она остановилась, но не отпустила его. Когда паника улеглась, она попыталась снова и постепенно с трудом расстегнула ремень.

- Ахнула она, распахнув его одежду. Гири грохнулись на весы и тут же замерли. Ее пальцы сжались и расслабились на его бедрах, когда она сосредоточилась на его коленях и обдумывала, что делать.

Можно ли вывести проклятие из строя? Скорее всего, ее возбуждение на пределе, или я не могу стать сильнее.

-Ты должна раздеться, - сказал Уолтер, - это должно быть для нас обоих, иначе это ничего не будет значить."

Она бросила на него обвиняющий взгляд, но он растаял, как только она взглянула. Он покраснел так же сильно, как и она. Она стянула с себя тунику и выскользнула из штанов.

Они лежали бок о бок, лицом друг к другу. Уолтер пододвинулся, и его нос оказался на одном уровне с ее ключицей, и Элин растерянно заморгала. Из-за несоответствия она ничего не поняла. Но когда она поняла его мысль, ее опасения испарились, и она сжала бедра вместе и начала корчиться. Его свободная рука скользнула ниже по ее животу, чтобы отплатить ей тем же.

Как только Элин начала, она прижалась к Уолтеру, крепко обняв его одной рукой за шею и сжав запястье его нижней руки. Отчаяние захлестнуло ее, он мог остановиться или замедлиться, и она отчаянно вцепилась в него еще крепче. Это был не секс, так что ей не нужно было бояться последствий, но это было неприлично, и это предлагало побег. Мышцы ее живота и бедер были напряжены, как барабан.

Все, что ей было нужно, - это чтобы он остался. Они дышали тише ливня, пока не испепелили свое разочарование.

Настойчивая пульсация наконец прекратилась, и ее чувствительные участки перестали покалывать. Ее умственная выносливость истощилась несколько дней назад. И она снова наполнилась, как вода, капающая в чашку.

Разразилась буря.

"Благодать геи, - подумала она, - я заслужила отсрочку". Я вела себя как сумасшедшая, целеустремленно шагая вперед, потому что не могла собраться с мыслями.

Учение Венеры, она ненавидела эту ассоциацию, называемую феноменом "загробной кожей", результатом чрезмерного использования плотской магии, позорным осадком от героев кровавого крестового похода. Если кто-то смотрел на изображение, а затем отворачивался в пустое пространство, перевернутое изображение оставалось в его поле зрения. То же самое можно сказать и об иллюзиях любой информации, и это была техника, помогающая их обнаружить. Ведь это и было иллюзорным прикосновением.

Ощущение накапливалось до тех пор, пока его острота не сравнялась с [афродизиак], и, поскольку прикосновение не имело цвета, возбуждение было таким же. Даже без физического возбуждения ментальный эквивалент мучил ее бесконечно. Почему ученики Венеры считали это развлечением, она не могла понять.

Что она поняла после долгого отрицания, так это его коварную природу. Ее сила воли ощущалась как простыня, натянутая на колья, и каждое заклинание было камнем, брошенным на нее. Ближе к концу ее сопротивление ослабло, вдавившись в землю, и сказать "нет" было невозможно. Церковная доктрина, "три признака героизма", определяла пагубную природу непревзойденного авторитета, насилия и эротизма. Третью она теперь понимала лично.

Элин положила подбородок на голову Уолтера и погладила его по голове, пока он спал.

В приказе свидетеля говорится, что теперь он достоин звания Героя, и я не знаю, что делать.

<http://tl.rulate.ru/book/37873/972719>